

Въ долині Дуная въ 1877 году ¹⁾.

VIII.

Утромъ, 26 августа, направляясь въ Бѣлградъ, я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Бухареста въ Турнъ-Северинъ, чтобы дальше по береговой дорогѣ въ экипажѣ миновать дунайскіе пороги до Орсовы, тамъ переночевать, а рано утромъ сѣсть на пароходъ австрійскаго Ллойда. Въ полночь проѣзжалъ мимо небольшого острова Ада-кала съ турецкою крѣпостью въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, на островѣ мелькали огни и оттуда неслись гортанные звуки турецкаго лагеря. Вокругъ была пустынная мѣстность и ни малѣйшаго признака австрійской пограничной стражи. Обошлось благополучно.

На другой день пароходъ шелъ вдоль сербскаго берега. Взглядъ мой скользилъ по береговымъ, лѣснымъ, нагорнымъ дебрямъ развертывавшейся предо мной Сербіи, уже сдѣлавшейся для меня чѣмъ-то очень близкою и дорогою. Вотъ въ этихъ-то трущобахъ, представлялось мнѣ, впервые закопошились мужественные борцы за родину, когда донеслись сюда раскаты побѣдныхъ пушекъ екатерининскихъ богатырей. Среди этихъ непроходимыхъ дебрей спланивалась сербская сила, не замедлившая отозваться на бранный призывъ братскаго народа. Не велика была рать у Георгія Чернаго, но много

¹⁾ „По статьямъ, уже помѣщеннымъ на страницахъ „Русской Старины“, можно судить о характерѣ и достоинствахъ записокъ Г. И. Бобрікова, которыми авторъ имѣетъ въ виду охватить тѣ эпохи, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, въ большинствѣ случаевъ, какъ одному изъ руководителей. Время успокоило страсти, наступила минута неліцеприятной оцѣнки событій и лицъ, и въ этомъ отношеніи трудъ Г. И. нельзя не признать выдающимся. Первая серія статей касается дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны и т. д. Мысли автора глубоки, изложеніе вышукло и литературно“.

Ред.

Георгій Ивановичъ
Бобриковъ.

въ ней было мужества и рѣшимости постоять за свободу родины. Твердая вѣра въ святость дѣла дала ей побѣду, которую Россія поспѣшила закрѣпить международнымъ договоромъ.

Прошло затѣмъ полвѣка, а уже много превратностей судьбы пришлось претерпѣть юному княжеству. Сначала попытки турокъ вновь вернуть его подъ свою власть, продолжительное задержаніе ими крѣпостей, а въ особенности внутреннія неурядицы, а потомъ вредное вліяніе Запада, отразившееся введеніемъ въ страну государственнаго строя, не отвѣчавшаго тогдашнему ея состоянію... Насильственный перерывъ организаторской дѣятельности князя Михаила, малолѣтство настоящаго князя и естественная неустойчивость власти рагентства. Все это, очевидно, не могло благопріятно вліять на плавное развитіе внутренней силы молодого организма.

Съ моей стороны было бы, конечно, неосновательно предполагать встрѣтить въ Сербіи вполне организованную военную систему. Вѣрнѣе ожидать, что я тамъ встрѣчу полное неустройство, только благія намѣренія большинства и, быть можетъ, даже серьезное сопротивление со стороны другихъ, личные интересы которыхъ затрагиваются моимъ пріѣздомъ. Во всякомъ случаѣ я найду въ странѣ, близкихъ по роду и духу Карагеоргію, потомковъ его доблестныхъ юнаковъ, которыхъ мужество не поколебалось неудачами послѣдней войны.

На одной изъ пристаней съ парохода, шедшаго съ верха, пересѣлъ къ намъ князь А. Н. Цертелевъ, возвращавшійся въ дѣйствующую армію изъ Бѣлграда, куда ѣздилъ по служебному порученію. Смѣтливый юноша, узнавъ о моемъ полномочіи, захотѣлъ меня видѣть, чтобы передать всѣ свои впечатлѣнія, только что вынесенныя. Конечно, я былъ ему чрезвычайно признателенъ и съ величайшимъ интересомъ выслушалъ его рассказъ.

„Васъ ждуть въ Сербіи съ великимъ нетерпѣніемъ и большія надежды связываютъ съ вашимъ пріѣздомъ. Предупреждаю, правительство не рѣшается на объявленіе Турціи войны ранѣе марта. Существуетъ убѣжденіе въ нерѣшительномъ исходѣ кампаніи настоящаго года и въ возобновленіи военныхъ дѣйствій раннею весною. Не желая подвергаться лишеніямъ и невзгодамъ зимняго военнаго времени, князь съ министромъ хотятъ поспѣть прямо къ финалу, чтобы участвовать въ дѣлежѣ трофеевъ. Между тѣмъ селяки, т. е. сельское населеніе, рвутся въ бой...

Что вы объ этомъ думаете?“

— Мнѣнія высказать еще не могу, а полагаю, что такъ или иначе, а сербамъ придется втянуться въ войну еще настоящею осенью.

Въ день прибытія въ Бѣлградъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Н. Н. Ладыженскимъ, временно управлявшимъ нашимъ генеральнымъ консульствомъ, любезно меня встрѣтившимъ на пароходной пристани. На первыхъ порахъ онъ мнѣ былъ чрезвычайно полезенъ. Владѣя сербскимъ языкомъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ жизнью страны. Тогда мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ, относя всѣ бѣдствія княжества къ личности князя Милана. Только позднѣе я убѣдился на дѣлѣ въ его правотѣ. Въ Бѣлградѣ онъ жилъ со своею малолѣтнею семьей, какъ у себя въ деревнѣ. Съ сердечною благодарностью вспоминаю его бесѣды, всегда умныя, чистосердечныя и прямыя, широкое чисто русское гостепріимство, горячія щи, напрѣвную гречневую кашу. А по вечерамъ какъ было отрадно уноситься въ міръ грезъ подъ чудные музыкальные звуки его искусной игры на роялѣ!

О положеніи дѣлъ въ княжествѣ я услышалъ мало утѣшительнаго. Послѣ реквизиціи во время послѣдней войны, страна представлялась разоренною. Промышленность и торговля—въ рукахъ иноземцевъ. Частнаго кредита не существовало, правительственный палъ до невозможности. Почти полное отсутствіе организованныхъ вооруженныхъ силъ кромѣ нѣсколькихъ наскоро сколоченныхъ баталіоновъ. Вооруженіе жалкое. Никакихъ правительственныхъ запасовъ, ни продовольственныхъ, ни вещевыхъ, ни боевого снаряженія, за исключеніемъ развѣ вещей, присланныхъ изъ Россіи за добровольческой періодъ. Общественныя силы подорваны. Изъ лучшихъ семействъ много было въ изгнаніи. Почти всѣ вовлечены въ политическую борьбу. Даже духовенство и войска служили орудіями честолюбивыхъ помысловъ...

Два обстоятельства изъ недавняго прошлаго остановили мое вниманіе. Генеральный консулъ Карцовъ былъ удаленъ нами отъ должности, по прояскамъ князя, съ лишеніемъ большей части содержанія. Если г. Карцовъ былъ назначенъ на отвѣтственный и высокій постъ, то очевидно былъ того достоинъ. Какъ же вдругъ онъ могъ сдѣлаться настолько дурнымъ, что оставленіе его на посту сдѣлалось невозможнымъ? Не скорѣе ли это недопустимая поблажка княжеской прихоти, весьма затруднившая на будущее время положеніе нашего представителя, аккредитованнаго при княжескомъ правительствѣ?

Другой невозможный фактъ полной неудачи миссіи генерала Никитина. Съ благимъ намѣреніемъ содѣйствовать упроченію силы княжества нами былъ посланъ этотъ генералъ въ сопровожденіи выдающихся нашихъ авторитетовъ по всѣмъ спеціальностямъ военнаго дѣла. Несмотря на то, что въ распоряженіи миссіи былъ милліонъ

рублей, она возвратилась, не принеся Сербіи ни малѣйшей пользы. Обстоятельство, надъ которымъ слѣдуетъ сильно призадуматься.

Особое значеніе имѣло мое представленіе князю Милану. Отъ характера пріема, очевидно, зависѣла большая или меньшая трудность выполненія мною возложенной на меня задачи. Безусловно всѣ предупреждали меня о двуличіи и лукавствѣ, но меня болѣе интересовало правильное пониманіе политической обстановки. Князь не скрылъ своей радости видѣть меня въ Бѣлградѣ, но обращенію своему старался придать особую торжественность, нѣсколько вычурную.

„Я весьма радъ“, сказалъ онъ, „что наконецъ мнѣ представляется возможность имѣть непосредственныя сношенія съ уполномоченнымъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго русскою арміею. Преклоняюсь предъ актомъ великодушной рѣшимости Императора Александра поднять мечъ въ защиту христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, и считаю своимъ долгомъ себя вмѣстѣ съ моимъ народомъ отдать въ распоряженіе могущественнаго монарха. О своихъ чувствахъ и готовности принять участіе въ войнѣ я имѣлъ счастье лично свидѣтельствовать еще въ Плоэшти. Но во время войны страна слишкомъ испытала, средства ея истощены. Немедленное объявленіе войны рискованно. Благоразуміе требуетъ предварительно мобилизаціи приготовить продовольствіе, обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Въ виду открытаго положенія границъ нельзя мобилизовать менѣе ста тысячъ человѣкъ. При такомъ разчетѣ необходимо прикупить къ имѣющимся тридцати пяти тысячамъ ружей системы Пибоди, по крайней мѣрѣ, еще столько же. Все это требуетъ большихъ денежныхъ средствъ, а государственная казна истощена событіями. Впрочемъ, я не ставлю вопроса объявленія Сербіею войны въ зависимость отъ назначенія субсидіи и готовъ немедленно идти въ бой, чтобы свято исполнить свой долгъ“.

На словахъ выходитъ прекрасно; нужно надѣяться, что и на дѣлѣ я встрѣчу не затрудненія, а полное содѣйствіе. Но по опыту я зналъ, что даже при сочувствіи начальства работа не клеится, если къ ней не расположены исполнители. Въ этомъ отношеніи для меня были важны первый министръ Ристичъ, военный министръ Груичъ и митрополитъ Михайлъ.

Докторъ правъ, Іованъ Ристичъ, одинъ изъ регентовъ во время малолѣтства князя, глава партіи радикаловъ, человѣкъ большого ума и твердой воли, былъ центральнымъ лицомъ княжескаго правительства. Много виѣшняго и несущественнаго онъ предоставлялъ князю, но руль сербской политики твердо держалъ въ рукѣ. Къ сожалѣнію, политика его не была дальновидною. Онъ не понималъ

важности ни общеславянскихъ вопросовъ, ни значенія сербскаго объединенія, и въ этомъ отношеніи легко шелъ на сдѣлку съ совѣстью. Княжество соперничало съ Черногорією, которой не довѣряло, и продавало интересы славянства Австро-Венгріи за чечевичную похлебку. Мнѣ лично Ристичъ оказалъ могущественную поддержку, безъ которой я едва-ли былъ бы въ состояніи справиться съ массою встрѣченныхъ мною всякаго рода затрудненій.

Кто въ Петербургѣ не зналъ генерала Савву Груича, сербскаго посланника. Окончившій курсъ въ нашей Академіи Генеральнаго Штаба, разумный, спокойный, дѣловитый, онъ всегда и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. Постъ военнаго министра, который онъ занималъ въ княжествѣ, былъ трудный, не по количеству войскъ и богатству матеріальной части, а по существовавшему вездѣ хаосу. Меня онъ принялъ съ полною готовностью служить и сейчасъ же организовалъ работу при сотрудничествѣ инженеръ-подполковника Магдалинича и генеральнаго штаба подполковника Джурича, тоже учениковъ нашей военной Академіи.

Остается сказать два слова о митрополитѣ Михаилѣ, обойти котораго я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ. Напротивъ, я считалъ своимъ долгомъ при той обстановкѣ, въ которой находился, оказать первенствующему члену сербской православной церкви наибольшее вниманіе. Воспитанникъ нашей Кіевской духовной Академіи, дѣятель широкаго кругозора, митрополитъ Михаилъ могъ бы имѣть въ исторіи мѣстнаго общества еще болѣе выдающееся положеніе, если бы не общественная атмосфера, пересыщенная политиканствомъ. Я преисполненъ ему глубокою признательностью за тѣ добрыя слова, которыми онъ отзывался о моей дѣятельности.

Мѣстоположеніе Бѣлграда очень живописно. Расположенный на довольно возвышенномъ горномъ отрогѣ, заполняющемъ собою все пространство между Дунаемъ и Савою, городъ командуетъ окрестною мѣстностью къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку. Онъ пользовался бы отличнымъ климатомъ, если бы не близкія низменные мѣста, затопляемые во время дождей. Растительность сада Кали-Мейдана вокругъ старой крѣпости, подъ самымъ слияніемъ двухъ рѣкъ, и обильныя каштановыя насажденія по улицамъ и у княжескаго дворца не оставляютъ желать ничего лучшаго. Кое-гдѣ виноградники, прекрасныя одиночныя плодовые деревья, все это рекомендуетъ здѣшнюю природу, но не искусство ихъ воспитанія и воздѣлыванія. Кали-Мейданъ съ живописнымъ видомъ на широкія долины двухъ рѣкъ былъ очень хорошъ; но свою прелесть имѣла и старая резиденція князя Милоша въ заросшемъ Толчидере, въ двухъ верстахъ отъ города.

Несмотря на несомнѣнное стараніе моихъ сотрудниковъ, дѣло двигалось впередъ не спорко, болѣе отъ отсутствія у нихъ навыка, чѣмъ отъ чего другого. Вообще въ сербской арміи было много выдающихся офицеровъ по ихъ природному таланту и военному образованію, но нельзя сказать, чтобы искусство войны у нихъ процвѣтало. Старые приемы еще не были отброшены и масса въ нихъ вѣрила.

Около 10-го сентября я и князь одновременно получаемъ изъ главной квартиры сообщенія: онъ черезъ полковника Катарджи, я— черезъ полевой штабъ. Мнѣ писали, что „по соображеніямъ всѣхъ обстоятельствъ Великій Князь желаетъ, и это воля Государя Императора, чтобы Сербія, воздерживаясь пока отъ объявленія войны Турціи и открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, выставила возможно скорѣе обсервационныя регулярныя войска на своей юго-восточной границѣ. Второй полумилліонъ будетъ немедленно высланъ по увѣдомленіи Вашемъ объ исполненіи этого требованія“. Катарджи же телеграфируетъ, что въ искренности намѣренія воевать самого князя увѣрены, но сомнѣваются въ желаніи того же сербскими министрами. Присылка второго полумилліона отложена. Требуютъ точнаго опредѣленія времени перехода границы сербскими войсками.

Князь обиженъ и говоритъ мнѣ, что министерствомъ онъ руководитъ самъ и потому не можетъ быть имъ обманутъ, разрѣшеніе воевать просилъ самъ, но безъ немедленной присылки обѣщаннаго полумилліона сербы воевать не въ состояніи, такъ какъ предварительно необходимо къ войнѣ подготовиться.

Между тѣмъ о войнѣ дѣйствительно думали очень мало, отлагая ее на весну, а всѣ помыслы сосредоточивая на скорѣйшей получкѣ денегъ. Нажимомъ изъ главной квартиры я воспользовался, чтобы вызвать болѣе рѣшительныя мѣры. Требованіе немедленнаго перехода не соотвѣтствовало осторожной дѣйствительности, но оно было полезно потому, что мои болѣе приноровленныя къ обстановкѣ указанія тѣмъ легче были приняты.

29-го сентября я доносилъ о состоявшихся пограничныхъ сборахъ и находилъ возможнымъ выдачу второго полумилліона. Сборы были исполнены, однако, не такъ, какъ было указано. Въмѣсто сосредоточенія активнаго корпуса на юго-восточной границѣ, части милиціи были собраны мелкими отрядами въ 9-ти пунктахъ на южной и восточной границахъ. Въ общей сложности было мобилизовано около 25 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 22 батарей, всего численностью 25.000 человѣкъ по списочному составу. Я не возражалъ, признавая важное значеніе этого перваго шага къ войнѣ.

IX.

Князь Миланъ сильно волновался. Когда шла рѣчь о субсидіи, ему ничего не стоило давать самыя широкія обѣщанія; но, когда приходилось эти обѣщанія осуществлять, явилось множество препятствій. Выставленіе боевого корпуса на юго-восточной границѣ для современнаго состоянія страны, дѣйствительно, было дѣломъ крайне затруднительнымъ. Въ мирное время о войнѣ не думали и къ ней не готовились, откуда же было взяться всему тому, что составляетъ первую потребность на театрѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ съ сербской точки зрѣнія нельзя было допускать и мысли о возможности остаться въ сторонѣ отъ великой борьбы за славянское дѣло. Князь все это понималъ, но въ его нравственномъ арсеналѣ не находилось соотвѣтственныхъ средствъ. Отъ природы онъ былъ уменъ, но свой умъ размѣнялъ на прихоти. Нравственныя начала были въ зачаткѣ. Характеръ перешелъ въ дикое упрямство.

Вмѣсто твердой рѣшимости образовать дѣйствующую армію, хотя бы корпусъ надежныхъ войскъ, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, самому быть въ дѣлѣ, вездѣ и во всемъ, неожиданно ударить на врага, онъ не нашелъ въ себѣ силъ промѣнять комфортъ на лишенія и ожидалъ, когда придутъ ему доложить, что все готово. По-прежнему онъ угощалъ меня изысканными блюдами и винами, въ обществѣ княгини Наталія, и былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, нужно отдать справедливость, не лишенныхъ остроумія, но часто приправленныхъ двусмысленностями, обидными для третьихъ лицъ. Княгиня Наталія была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Напрасно, однако, можно было бы думать о супружеской гармоніи. Сохранялась только внѣшность, въ дѣйствительности они давно глядѣли въ разныя стороны, и виновнымъ въ этомъ былъ первымъ Миланъ.

Военнымъ дѣломъ князь не интересовался и никогда не давалъ себѣ труда вникать въ его сущность. Въ немъ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, дилеттантомъ. Но онъ страшно любилъ говорить на всѣ темы, въ томъ числѣ и военныя. Чтобы не показаться празднымъ, онъ постоянно беспокоился, въ большинствѣ случаевъ показывалъ только видъ, рѣзко переходя отъ военныхъ вопросовъ къ политическимъ, которыми въ особенности увлекался. Одно время онъ очень волновался образованіемъ партизанскихъ отрядовъ изъ оставшихся въ странѣ добровольцевъ для дѣйствій въ Старой Сербіи; но онъ успѣлъ объ этомъ забыть, когда пришло разрѣшеніе изъ

главной квартиры. Въ сущности не слѣдовало спрашивать, а прямо дѣлать, какъ я совѣтовалъ, князь же желалъ показать свою ретивость, да и не желалъ тратить своихъ денегъ. Въ другой разъ, указывая на свои связанные руки на Дринѣ въ угоду Австро-Венгрии, настойчиво требовалъ обратной гарантіи противъ турецкаго нападенія. По примѣру вѣроятно Румыніи вдругъ сталъ помогать присылки нашихъ осадныхъ орудій для дѣйствія противъ крѣпости Ниша или для бомбардированія Ада-кале на Дунаѣ. Но изъ всего этого не вышло ничего, такъ какъ задумано было мимолетно и не было выдержки въ осуществленіи задуманнаго.

Въ началѣ октября прибылъ А. И. Персіани. Съ его пріѣздомъ отъ меня отпадала вся политическая сторона моей дѣятельности. Я пріобрѣталъ возможность выѣхать внутрь страны, чтобы лично познакомиться съ вооруженными силами княжества и ихъ матеріальною частью. На объѣздъ я употребилъ 12 дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ осмотрѣть военно-техническія заведенія въ Крагуевацѣ, учебные сборы въ Крушевцѣ, Алексинцѣ, Княжевцѣ и Зайчара. Особое вниманіе обратилъ на долину р. Болгарской Моравы, на Княжевацкій горный округъ и окрестности Зайчара.

Сербское княжество занимаетъ одну изъ прекраснѣйшихъ и живописныхъ мѣстностей Европы. Горные его округа представляютъ группы величественныхъ возвышенностей, покрытыхъ богатою растительностью и орошаемыхъ сѣтью рѣкъ и горныхъ потоковъ. Подъ остальными округами всхолмленная весьма плодородная мѣстность самыхъ прихотливыхъ очертаній. Лѣса сильно вырублены, но все же остается много дубовыхъ рощъ и перелѣсковъ, подъ сѣнью которыхъ ютятся селенія и выселки. Плодородная земля щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца, который нигдѣ не прилагаетъ къ ея обработкѣ особаго старанія, предпочитая распахать цѣлину тщательной обработкѣ нѣскольکو выпаханной нивы. Тучныя пастбища даютъ возможность разводить домашній скотъ и въ особенности свиней. Богатая природа даетъ здѣсь человѣку крѣпкій, развитый организмъ и прочное здоровье, а красота мѣстности сообщаетъ ему склонность къ эстетическимъ развлечениямъ. Какъ только семья обезпечена годовымъ запасомъ хлѣба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными отъ продажи рогатаго скота и свиней, откармливаемыхъ въ ближайшихъ дубнякахъ, хозяинъ уже не заботится о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, а вмѣстѣ съ сыновьями все время проводитъ въ кафанѣ (деревенской кофейной), заслушиваясь разказами дѣдовъ о сербской старинѣ, толкуя о политикѣ, распѣвая или танцуя подъ звуку примитивнаго струннаго инструмента. Сербъ добродушенъ, безпеченъ, нѣскольکو

легкомысленъ, честенъ, стоекъ въ дружбѣ, характера подвижного съ рѣзкими переходами отъ страстнаго воодушевленія къ упадку духомъ и обратно, къ своему дому и семьѣ очень привязанъ.

Чудные теплые дни, стоявшіе во все время моего объѣзда, прекрасно устроенные механы—почтовые дворы и большею частью хорошо шоссированныя дороги соединяли всѣ условія для удачнаго путешествія. Только пароксизмы дунайской лихорадки, схваченной въ Систовѣ, точнѣе всякаго хронометра указывали мнѣ шесть часовъ пополудни каждаго третьяго дня.

На сборныхъ пунктахъ я засталъ одиночную выправку, ружейные приемы, маршировку шеренгой. Къ стрѣльбѣ еще не приступали, вѣроятно рассчитывая, что каждый сербъ долженъ умѣть стрѣлять, можетъ быть также жалѣя патроны. Артиллерійскія части, составленныя изъ старослужащихъ, рѣзко отличались отъ пѣхотныхъ наружною выправкой, знаніемъ службы и лихими эволюціями въ составѣ батарей. Несмотря на превосходство турецкихъ орудій, артиллеристы были увѣрены въ успѣхѣ и только жаловались на неимѣніе шрапнели. Какъ увидимъ ниже, успѣхомъ подъ Нишемъ обязаны главнымъ образомъ артиллеріи.

На народныхъ конниковъ нельзя было смотрѣть безъ улыбки: дотога рослый народъ на приземистыхъ лошадакахъ былъ комиченъ.

Особенно хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня корпусъ сербскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе получили высшее военное образованіе въ иностранныхъ академіяхъ.

Крагуевацкій арсеналь, литейную, патронную и другія мастерскія я засталъ въ полномъ ходу, благодаря только-что полученной субсидіи. Все миниатюрно. Между прочими работами сверлился каналъ 24-хъ-фунтовой мѣдной пушки, которая вмѣстѣ съ уже готовою такою же и шестью старыми гаубицами, унаслѣдованными отъ нашихъ войскъ, должны были въ предстоящей войнѣ сыграть роль осаднаго парка. Впрочемъ, подъ Нишемъ обошлись и безъ нихъ.

Здѣсь я ограничиваюсь общою характеристикою событій, преимущественно съ бытовой стороны. Желаящіе познакомиться съ болѣе спеціальнымъ изслѣдованіемъ найдутъ его въ моей книжкѣ „Въ Сербіи“ изданія 1891 года, складъ Березовскаго.

Во время моего объѣзда я познакомился съ мѣстностью классическаго сербскаго театра войны съ Турціею. Во всѣ времена долина р. Моравы, съ делиградскою позиціею и передовыми укрѣпленіями у Алексинца, играла роль, какъ наиболѣе доступная и удобная для вторженія въ предѣлы княжества. Со стороны Турціи возведена крѣпость Нишъ почти при слияніи Нишавы съ Моравою на вѣ-

роятномъ пути наступленія изъ Сербіи къ Софіи, а доступъ въ Старую Сербію прикрытъ укрѣпленіями Новобазара.

Странно, что на Новобазарскій санджакъ не было въ свое время обращено никакого вниманія, между тѣмъ онъ имѣетъ не только мѣстное, но и важное политическое и стратегическое значеніе. Узкимъ коридоромъ раздѣляя Сербію отъ Черногоріи, онъ является самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ сліянію двухъ сербскихъ княжествъ и образованію единого мощнаго сербскаго государства. Какимъ образомъ, заключая съ Австро-Венгріей секретный договоръ и отдавая въ ея распоряженіе Боснію съ Герцоговиной для обезпеченія свободы нашихъ операцій, мы не предусмотрѣли его участи установленіемъ общности границы между княжествами? Къ этому вопросу мы еще вернемся при характеристикѣ Берлинскаго конгресса, на которомъ онъ игралъ такую выдающуюся роль подъ именемъ „enclave“. Здѣсь же отмѣтимъ, что допущенная грубая ошибка ни стараніями гр. Игнатьева, писавшаго Санъ-Стефанскій предварительный мирный договоръ, ни настойчивостью кн. Лобанова, заключавшаго окончательный мирный договоръ съ Турціей, не могла быть исправлена. Мало того, она легла основнымъ базисомъ нашихъ позднѣйшихъ соглашеній съ Вѣнскимъ кабинетомъ.

Если бы подготовка къ войнамъ имѣла болѣе общегосударственный характеръ и боязливое недовѣріе къ собственнымъ силамъ нашего дипломатическаго вѣдомства не вліяло бы подавляющимъ образомъ на рѣшенія военныхъ людей, событія сложились бы иначе, много лучше для насъ, и пришлось бы писать исторію народовъ другимъ перомъ.

Еще два слова о театрѣ войны. Если важное значеніе великаго пути черезъ Софію признавалось во всѣ времена, то теперь условія коопераціи Сербіи съ нашею арміею сообщили ему безспорно первенствующую важность. Турки уже были обезсилены ударами нашихъ войскъ и теперь употребляли чрезвычайныя усилія на образованіе новой арміи для освобожденія Османа-паши, запертаго въ Плевнѣ. Ясно, что до подхода подкрѣпленій изъ Босніи и Македоніи и албанскаго ополченія, они не могли рассчитывать на наступательный образъ дѣйствій противъ Сербіи и ограничивались возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря Будимъ-дела подъ Пиротомъ для обезпеченнаго сообщенія съ Нишемъ.

Такимъ образомъ все, что мнѣ пришлось видѣть внутри страны, съ чѣмъ успѣлъ познакомиться, во что удалось вникнуть, все подавало поводъ надѣяться на успѣшное осуществленіе сербской коопераціи, все указывало на своевременность перехода отъ словъ къ дѣлу. Шестидесятитысячное сербское народное войско при 178

орудіяхъ могло перейти границу въ теченіе десяти, двѣнадцати дней со дня объявленія войны.

Опытъ прошлогодней войны, хотя и вселилъ въ нѣкоторую часть населенія панической страхъ къ туркамъ, для большинства послужилъ хорошей школой боевого крещенія, практически ознакомивъ его съ военнымъ дѣломъ и умѣривъ излишнее самомнѣніе, которому сербы такъ легко поддаются по подвижности своего характера. Страстное желаніе возмездія большей части населенія, его чрезвычайная выносливость, прекрасный офицерскій составъ, превосходная артиллерія, подавляющая численность, все представляло солидные данныя для рѣшенія вопроса объ участіи Сербіи въ войнѣ въ положительномъ смыслѣ.

Самая обстановка на болгарскомъ театрѣ войны благопріятствовала вступленію въ дѣло сербскихъ войскъ. Они могли принести существенную пользу отвлеченіемъ на себя части силъ, собираемыхъ къ Софіи, войскъ Мегемета-паши при наступленіи ли ихъ къ Плевнѣ или при оборонѣ балканскихъ проходовъ.

Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, телеграфировалъ изъ Алексицацкой Бани, 2-го ноября, о предвареніи сербскаго правительства быть готовымъ къ объявленію войны.

7-го числа я вернулся въ Бѣлградъ, а 10-го получена официальная депеша изъ главной квартиры черезъ Нелидова и Персіани съ формальнымъ приглашеніемъ князю, „по исполненіи всѣхъ политическихъ формальностей немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени“.

Князю Милану приходилось дѣйствовать, хотя противъ его желанія, такъ какъ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что чѣмъ позднѣе сербы выступятъ въ походъ, тѣмъ положеніе ихъ будетъ безопаснѣе и тѣмъ менѣе будетъ израсходовано денежныхъ средствъ.

Бѣлградъ заволновался. Какъ всегда бываетъ, когда дѣло не подготовлено и не находится въ надежныхъ рукахъ, все сразу заговорило, явились предложенія самыя неожиданныя и противорѣчивыя. Одни предлагали непосредственную оборону на всемъ протяженіи всѣхъ границъ, другіе указывали на преимущества развитія военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, третьи предпочитали дѣйствовать въ Босніи, какъ искони сербской странѣ.

Когда я пояснилъ князю, что въ виду милиціоннаго характера сербскихъ войскъ единственнымъ способомъ дѣйствія слѣдуетъ признать сосредоточеніе массъ и направленіе ихъ къ сторонѣ главной оперирующей въ Болгаріи арміи, князь горячо мнѣ возразилъ,

что такъ легко говорить русскому офицеру, но что ему долгъ повелѣваетъ прежде всего заботиться объ охранѣ собственныхъ границъ. Напрасно я старался ему выяснитъ главные начала военнаго искусства въ примѣненіи къ настоящему случаю, напрасно я силлся его убѣдить, что выдвинутыя впередъ войска лучше обезпечать неприкосновенность границъ, которымъ опасность грозитъ только съ юго-востока, что интересы сербовъ и русскихъ неразрывно связаны, а общая цѣль заключается въ пораженіи турецкой арміи, князь стоялъ на своемъ, заявляя, что въ военномъ дѣлѣ онъ имѣетъ свои собственныя убѣжденія...

Всѣ мои планы были готовы лопнуть мыльнымъ пузыремъ и разбиться въ пухъ отъ проявленнаго вдругъ упорства князя Милана. Если сразу не положить предѣлъ этому самодурству, толка не будетъ. Объясняю Персіани всю важность критической минуты и прошу его самага энергичнаго содѣйствія.

Черезъ два дня является Персіани.

— „Теперь“, говоритъ онъ, „вы можете отправляться къ князю. Благодаря вмѣшательству Ристича, почва такъ подготовлена, что вы можете сажать въ нее все, что угодно. Князь далъ слово безусловно слѣдовать всѣмъ вашимъ совѣтамъ.“

Это было 18 ноября. Я тотчасъ же отправился во дворецъ и дѣйствительно нашелъ князя въ самомъ предупредительномъ расположеніи. Какъ потомъ оказалось, магическое воздѣйствіе оказалъ вопросъ о денежной субсидіи.

„Ставлю себя въ полное распоряженіе Великаго Князя, приказанія котораго буду выполнять, какъ сержантъ капитана“, встрѣтилъ меня князь. „Надѣюсь, однако, что мнѣ будетъ предоставлена нѣкоторая самостоятельность въ зависимости отъ мѣстныхъ условій“.

Х.

Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.

Отсутствіе своевременно составленнаго плана дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ вызвало въ эпоху войны цѣлый рядъ неожиданныхъ для насъ положеній, нами разрѣшенныхъ и разрѣшаемыхъ различно въ зависимости отъ случайныхъ явленій. Ни въ политическомъ отношеніи, ни въ военномъ, заблаговременно не были выработаны основныя соображенія, которыми могли бы руководствоваться призванные къ работѣ дѣятели. Яснымъ доказательствомъ сказаннаго служить до сихъ поръ остающееся въ силѣ политиче-

ское *credo*, нами усердно поддерживаемое и идущее въ разрѣзъ съ нашими интересами въ славянскомъ мірѣ. Намъ союзные, родственные организмы, требовавшіе отъ насъ не столько боевой за нихъ работы, сколько нравственнаго руководства и гарантіи ими самими добытыхъ результатовъ, въ своемъ развитіи тормозились нашими же руками, подписывающими *in status quo* подъ диктовку враждебныхъ дипломатовъ. Если это дѣлалось подъ вліяніемъ нашей вооруженной слабости, то было необходимо самосознаніе и безотлагательное исправленіе и усиленіе, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было допускать дипломатическаго тумана подъ видомъ особаго искусства. Что же касается до подготовительной работы военнаго характера, то слабыя попытки ея организаціи, принесшія однако на войнѣ несомнѣнную пользу, хотя бы сборниками маршрутовъ и балканскихъ переваловъ, дальнѣйшаго развитія достигъ не успѣли.

Казалось бы, что, направляя событія на Балканскомъ полуостровѣ къ заключительному акту многолѣтней борьбы съ исламомъ, слѣдовало въ свое время тщательно обдумать не только тѣ средства, съ помощью которыхъ предполагалось достигъ поставленную цѣль, но и роль cadaго изъ государствъ Балканскаго полуострова такъ, чтобы великое дѣло созданія славянской мощи сложениемъ союза славянскихъ народностей и примыкающихъ къ нимъ, на общности интересовъ, шло стройно и систематично. Самый главный вопросъ, будетъ ли разрѣшеніе дѣла предоставлено нашему мечу или достигнуто инымъ способомъ, оставался до самой послѣдней минуты нерѣшеннымъ. Хотя ядро дѣйствующей арміи уже было мобилизовано, но мы все еще искренно вѣрили, въ противность указаніямъ опыта, что желаемый нами результатъ будетъ достигнутъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Занесенный мечъ повисъ въ воздухѣ, отнявъ у насъ силу удара и склонивъ чашу вѣсовъ войны въ пользу нашихъ противниковъ. Такая шаткость въ капитальномъ вопросѣ не могла не вліять на энергію нашихъ союзниковъ, заставляя ихъ осмотрительно довѣряться нашимъ указаніямъ въ ущербъ собственнымъ болѣе мелкимъ интересамъ.

Позднѣйшія событія обнаружили, что политическая обстановка едва-ли вынуждала насъ самихъ братья за оружіе, что при выясненіи средствъ борьбы успѣхъ ея легко могъ быть обезпеченъ соединенными усиліями самихъ народностей, стремившихся къ самостоятельности, что, наконецъ, вооруженнымъ наблюденіемъ мы во всѣхъ отношеніяхъ могли бы принести дѣлу большую пользу, закрѣпивъ устойчивость новаго строя славянскихъ государствъ безъ необходимости идти на берлинское соглашеніе.

Если въ свое время мы твердо рѣшились положить предѣлъ постыдному положенію турецкой райи, на что имѣли силу и полную возможность, едва-ли слѣдовало раздувать религіозную рознь между болгарскимъ и греческимъ духовенствомъ. При пріобрѣтеніи Болгаріею политической самостоятельности все равно пріобрѣталась автокефальность церкви. Едва-ли слѣдовало допускать разгораться въ Сербіи костру, искусственно подожженному стоявшими въ то время у власти честолюбцами, и содѣйствовать подъему народнаго сочувствія у насъ сербскому дѣлу образованіемъ добровольческихъ партій. Возбужденіе народныхъ массъ было велико, къ величайшей чести русской народности, но тѣмъ осторожнѣе слѣдовало имъ пользоваться, чтобы вѣнчать великое дѣло. Не отдѣльными усиліями, часто одно другое парализовавшими, слѣдовало достигать успѣха въ рѣшеніи широко поставленной задачи, не случайными преходящими культами то сербской, то болгарской народностей, а съ политическимъ глазомѣромъ, составленнымъ планомъ и приведеніемъ его въ исполненіе съ желѣзною волею и непоколебимою настойчивостью.

Все вышеизложенное было необходимо сказать, чтобы выяснить, почему историческое событіе не было доведено до конца и продолжаетъ отъ насъ требовать все новыхъ и новыхъ усилій.

Въ ряду народностей Балканскаго полуострова, съ нашею помощью послѣдовательно образовавшихся государственные организмы, центральное мѣсто занимаетъ сербская народность. По своему географическому положенію она опередила другія народности начатками западно-европейской цивилизаціи, по исторической же судьбѣ подверглась раздѣленію вѣроисповѣданіемъ и политическимъ строемъ. Въ первомъ отношеніи рознь не препятствуетъ единенію по кровному родству, но во второмъ встрѣчаются серьезныя препятствія въ соперничествѣ Сербіи съ Черногоріею. Это послѣднее обстоятельство весьма опасно. Какъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи, личные интересы властителей толкали ихъ на измѣну народному дѣлу даже союзомъ съ татарвой, такъ и тутъ велико искушеніе для сербскихъ княжествъ идти на компромиссъ съ врагами славянскаго союза. Отсюда ясно, что, пока не образуется единое сербское государство, устойчивости въ славянскомъ мірѣ не будетъ, и что оно будетъ достигнуто только уравниваніемъ сербской государственности съ болгарскою. На сколько сербское разъединеніе пагубно, показываетъ настойчивое требованіе разъединенія болгарской народности на княжество и провинцію Восточной Румелии. Къ счастью для Болгаріи и для общаго дѣла козни недруговъ были въ-время парализованы.

Когда жребій войны, наконецъ, былъ брошенъ, и Великая Россія, въ лицѣ своего Самодержавнаго Монарха, явилась въ Плошти на арену военныхъ дѣйствій для высшаго руководства событіями, предстали мѣстныя государства съ вопросомъ, что имъ дѣлать и какъ имъ быть, но опредѣленнаго отвѣта не получили. Правительство князя Милана никогда не пользовалось нашимъ сочувствіемъ, почему и къ предложеніямъ его въ нашей главной квартирѣ отнеслись съ недоувѣріемъ. Оно было избаловано всякаго рода помощью въ предшествующую эпоху и начинало свое заявленіе требованіемъ матеріальной помощи. Такая постановка вопроса слишкомъ напоминала времена Кондотьери и не соотвѣтствовала высокой идеѣ, во имя которой была предпринята война. Предложеніе было отклонено, князь вернулся домой ни съ чѣмъ, а для поддержанія связи при главной квартирѣ главнокомандующаго былъ оставленъ княжескій родственникъ, сербской службы полковникъ, Катарджи.

Въ такомъ положеніи находились отношенія къ княжеству, когда неудачи подъ Плевной сильно поколебали нашу самоуувѣренность и смутили духъ вождей полевого штаба арміи. Только тогда обратились къ спѣшной оцѣнкѣ силъ и средствъ мелкихъ союзниковъ съ призывомъ ихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ неисполненная во-время работа должна была выполняться въ хаотической обстановкѣ войны спѣшно и въ ущербъ нашему государственному достоинству.

Дождавшись такого благопріятнаго для себя оборота событій, князь Миланъ не хотѣлъ себя продешевить, но въ своихъ корыстолюбивыхъ домогательствахъ былъ принужденъ считаться съ возвышенною волею сербскаго народа. Онъ домогался получить ежемѣсячную субсидію въ миліонъ рублей; но принятіе такого крупнаго размѣра приближало бы сербскую кооперацію къ найму, что отнюдь не отвѣчало ни истинному положенію вещей, ни достоинству сербской народности. Было опредѣлено выдавать сербскому правительству по полтора рубля въ день на каждую тысячу человѣкъ, дѣйствующихъ внѣ предѣловъ княжества, если только общее число перешедшихъ границу не будетъ менѣе двадцати пяти тысячъ, и уплату субсидіи начать черезъ двѣ недѣли по переходѣ границы.

Опытъ войнъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ выяснилъ, что сокрушеніемъ силы сопротивленія ислама еще не достигался политическій строй, если только мы не имѣли намѣренія раздвинуть собственные предѣлы до водъ Эгейскаго моря, что первѣйшею нашею заботою должно было быть устройство государственнаго организма, сложнаго по мѣстнымъ народностямъ, которымъ мы могли бы замѣ-

нить наносный порядокъ турецкаго владычества. Вотъ почему, приступая къ новой войнѣ, мы должны были готовиться по широкому плану призыва народностей къ общей работѣ прежде на полѣ брани, а потомъ къ образованію новой политической системы.

Если бы на сербскомъ театрѣ войны были признаны общіе интересы, наша дѣятельность тамъ должна была бы проявиться много раньше. Нельзя сказать, чтобы ея не было вовсе, но многократная инициатива наша въ этомъ направленіи носила характеръ или случайный или односторонній. Почему посылка въ Бѣлградъ миѣнчской комиссіи генерала Никитина не имѣла никакого успѣха? почему исходъ добровольческой войны имѣлъ такой плачевный характеръ? почему рѣшеніе подать руку помощи Сербіи черезъ Кладово неожиданно было оставлено? Все это—вопросы громадной военной и политической важности, такъ и оставшіеся безъ выясненія.

Военныя операціи на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій не должны были исчерпываться директивами, преподанными изъ главной квартиры. Одинаковое значеніе съ наступленіемъ къ сторонѣ главной дѣйствующей арміи имѣло развитіе военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, которыя не только въ стратегическомъ, но и политическомъ отношеніи имѣли первенствующее значеніе. Узкая полоса сильно гористой мѣстности, разъединяющая на разстояніи 60—70 верстъ два сербскія княжества, всегда служила на пагубу православія и сербской народности, какъ дебуше для напора съ одной стороны полчищъ Магомета, а съ другой нѣмецкой назойливости. Эта мѣстность, на языкѣ дипломатовъ Enclave, сливается съ обширнымъ историческимъ Коссовымъ полемъ въ Старой Сербіи. По мѣстнымъ топографическимъ и географическимъ условіямъ особое значеніе имѣютъ на этомъ пространствѣ: со стороны Сербіи—Новый Варошъ, Сенница, Ново-Базаръ и Митровица, находящіеся на главномъ и единственномъ колесномъ и желѣзно-дорожномъ пути черезъ Боснію въ Солунь, а со стороны Черногоріи тропа отъ переваловъ Колошина и Баранѣ на Печь.

Передовыми патриотами обоихъ княжествъ всегда сознавалась великая польза политическаго единенія сербской народности. Только немногіе, боясь потерять личныя земныя блага, сопряженныя съ властью, всѣми способами сопротивлялись осуществленію знаменательнаго событія, при которомъ главная роль принадлежала бы по всѣмъ даннымъ державѣ князя Николая. Описываемое пространство было колыбелью сербской народности и во всѣ времена носило наименованіе Старой Сербіи; но вслѣдъ за нашествіемъ османлисовъ сербское населеніе насиліемъ было принуждено къ переселенію, а ихъ мѣста стали постепенно занимать арнаутами. Вотъ

почему при разрѣшеніи сербскаго вопроса приходится считаться съ албанскими племенами, привлеченіе которыхъ къ сербскому союзу на политической почвѣ всегда возможно, въ особенности для такого опытнаго народнаго вождя, какимъ себя показалъ князь Николай. Вопросъ нѣсколько усложняется проясками Австріи, дѣйствующей на религіозную сторону тѣхъ, которые успѣли принять римско-католическое вѣроисповѣданіе, но это затрудненіе не представляется неодолимымъ, такъ какъ подъемъ племенного духа въ Албаніи великъ, и вѣра не помѣшаетъ имъ дѣйствовать заодно съ княжествами.

Какъ горная страна, Enclave не столько требуетъ регулярныхъ войскъ, сколько привычныхъ къ дѣйствіямъ въ горной странѣ частей, и въ этомъ отношеніи черногорцы представляются образцовымъ войскомъ. Только при дебушированіи на равнинѣ Коссова поля потребуются вполнѣ организованныя войсковыя части съ новѣйшимъ орудіемъ. Отсюда ясно, что первые удары должны быть нанесены въ другихъ мѣстахъ для пораженія силъ противника, и только милиціонныя отряды спустятся съ горы для занятія страны общими силами. Послѣ первыхъ успѣховъ союзники должны были стоять твердымъ оплотомъ на занятомъ пространствѣ, пока общность границы княжествъ не была бы закрѣплена мирнымъ договоромъ. Соперничество между княжествами должно было быть устранено указаніемъ объектовъ дѣйствія: Сербіи—Приштины, а Черногоріи—Призрѣня.

Все, здѣсь высказанное въ общихъ чертахъ, должно было составить широкую задачу, заблаговременно въ деталяхъ разработанную и приведенную въ исполненіе по общему плану политической и военной сферы дѣйствія. Должны были быть подготовленными руководителями и исполнителями, проникнутые высокою цѣлью и снабженные всѣмъ, что было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія.

Теперь мы можемъ судить, что, насколько легко можно было достигнуть соединенія княжествъ общею границею во время военныхъ дѣйствій, настолько же затруднительно затѣмъ было выполнить путемъ международныхъ переговоровъ. Цѣль не только до сихъ поръ не достигнута, но даже проложеніе выгодной для сербскихъ интересовъ желѣзной дороги въ настоящее время встрѣчаетъ массу неодолимыхъ затрудненій. Осенью 1877 года главная забота высшаго командованія оттоманскими арміями на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій заключалась въ формированіи вспомогательной арміи Мегемета-паши въ Софіи, въ обезпеченіи отъ захвата переваловъ Орханіе, Берковца и Св. Николы на случай отступленія Османа-паши отъ Плевны, и въ противодѣйствіи агрессивнымъ по-

пыткамъ княжествъ. Главными оборонительными пунктами здѣсь были крѣпости Ниша и Ново-Базара, первая какъ оплотъ противъ Сербіи и вторая для владѣнія Enclave и прикрытія формировація албанскихъ партій и движенія отрядовъ изъ Босніи. Вся эта оборонительная зона подъ командою Хафиза-паши состояла изъ Нишскаго гарнизона до 8 т. человекъ числительностью, и расположенныхъ подъ Ново-Базаромъ 7 таборовъ редифа на Рогознѣ и 5 таборовъ низама въ Сочаницѣ. Въ счетъ не входили мелкіе отряды, разбросанные по странѣ, и болѣе крупныя части въ придунайской Болгаріи на сербской границѣ, которымъ было приказано при наступленіи сербовъ немедленно стягиваться къ Виддину.

Отсюда ясно, что средства для отпора наступленію на соединеніе двухъ сербскихъ армій со стороны турокъ были ничтожны, а что великая сербская задача была бы осуществлена, если бы о ней больше думали, къ ней серьезнѣе готовились, и планъ былъ бы систематично приведенъ въ исполненіе.

Не знаю, много ли шаговъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи князь Николай, князь же Миланъ не только объ этомъ не думалъ, но каждый разъ дѣлался глухимъ, когда по этому вопросу къ нему обращались съ представленіями сербскіе патриоты. Стратегическій горизонтъ Милана былъ не широкъ. Прежде всего онъ стремился оградить свою личную безопасность и своей резиденціи отрядами со всѣхъ сторонъ. Съ этою цѣлью, а въ особенности въ видахъ увеличенія размѣра денежной субсидіи, было мобилизовано все, что только было возможно по соображенію вооруженія, снаряженія и продовольствія. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи, правительственныя заботы были не обременительны, такъ какъ каждый призванный подъ знамя солдатъ былъ обязанъ имѣть на себѣ мѣсячное довольствіе. Больше заботы было съ обмундированіемъ. По времени года нужно было охранить людей отъ стужи, а они приходили изъ дома только въ самомъ необходимомъ. Приходилось снабжать ихъ по меньшей мѣрѣ плащами и брюками.

Князь Миланъ не признавалъ широкихъ задачъ. Отъ союза съ Черногоріею онъ уклонялся изъ боязни большей популярности князя Николая. Онъ не понималъ никакой для себя выгоды отъ разрѣшенія великой сербской задачи и предпочиталъ всякій захватъ, при какихъ бы условіяхъ онъ ни былъ сдѣланъ. Когда черезъ Катарджи до него дошли вѣсти о направленіи нашего кавалерійскаго отряда въ западную часть Придунайской Болгаріи, онъ сильно беспокоился, чтобы не упустить случая захватить Адліе и Бѣлградчикъ. Бывали дни, когда Миланъ, какъ капризный ребенокъ, жаловался на всѣхъ на свѣтѣ, почему-то на свою судьбу, на

воображаемыя интриги Карагеоргиевичей, на насъ, будто бы его оставившихъ на произволъ судьбы. Последнее потому, что не давали ему достаточно скоро денежныхъ субсидій.

Одинъ разъ спѣшно требуетъ меня къ себѣ.

— „Что же, вы хотите, чтобы Бѣлградъ былъ захваченъ башибузуками? чтобы дворецъ былъ разграбленъ, городъ сожженъ?“

— „Ничего не понимаю, въ чемъ дѣло?“

— „Какъ русскій офицеръ, вы заботитесь только объ интересахъ своей арміи и оставляете на западѣ открытыя двери для нападенія турокъ. Въ такомъ случаѣ я хочу вашей гарантіи безопасности съ этой стороны“...

Въ другой разъ настойчиво требуетъ, чтобы я немедленно просилъ по телеграфу у главнокомандующаго распоряженія о присылкѣ орудій большого калибра для бомбардированія Ада-кала.

На мое представленіе, что игра свѣчь не стоитъ, капризно настаивалъ, что орудія понадобятся вездѣ.

XI.

Еще съ пути моего объѣзда, изъ Алексинацкой Бани 2 ноября, я телеграфировалъ въ нашу главную квартиру о своевременности приглашенія Сербіи къ участию въ войнѣ. 10-го числа официальной депешей отъ имени главнокомандующаго послѣдовало формальное приглашеніе князю, черезъ Нелидова и Персіани, по исполненіи всѣхъ дипломатическихъ формальностей, немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени. 18 ноября даны директивы. Но князь Миланъ не спѣшилъ. Напрасно я объяснялъ ему безопасность предѣловъ княжества, благопріятныя условія для наступленія, возможность опоздать даже къ заключенію мира. Княжеская прокламація къ сербскому народу о войнѣ появилась только 1-го декабря. Обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста изъ этого важнаго политическаго акта, въ которыхъ излагаются отношенія къ намъ и сосѣднимъ государствамъ.

„Впередъ! къ побѣднымъ орламъ Императора и Освободителя, съ упованіемъ на Бога, Всемогущаго покровителя справедливости! Впередъ во имя освобожденія нашихъ угнетенныхъ братьевъ. Рѣшительный шагъ впередъ, и мы сожмемъ руку тѣхъ братьевъ, съ которыми разъединились со времени Коссова.“

...Мы встрѣтимъ на бранномъ полѣ покрытую славой русскую армію, братьевъ-героевъ Черногоріи и нашихъ мужественныхъ сосѣдей румынъ, уже перешедшихъ Дунай“...

Написано съ подъемомъ, осторожно и обдуманно, даже какъ будто съ начертаніемъ высокихъ цѣлей. Все это на словахъ, а на дѣлѣ князь пребывалъ въ убѣжденіи, что Сербія подвигнута на войну преждевременно, что интересы могли быть удовлетворены безъ особаго риска, что отвѣтственность въ случаѣ катастрофы съ сербскими войсками, которымъ не довѣрялъ, должна падать на тѣхъ, которые подали свои голоса за войну и въ особенности на Россію. Такъ какъ центральное мѣсто въ событіяхъ принадлежало мнѣ, то я и долженъ былъ за все отвѣчать. Отсюда моя почетная роль въ общественныхъ явленіяхъ и предъ войсками, къ фронту которыхъ князь заставлялъ меня подъѣзжать первымъ. При каждомъ удобномъ случаѣ заявлялось, что война объявлена по волѣ Царя, а князь—только исполнитель высшихъ предначертаній.

При весьма хорошихъ способностяхъ князь Миланъ провелъ дѣтство въ условіяхъ, неблагоприятно отразившихся на его душевныхъ качествахъ. Самолюбіе, эгоизмъ и упрямство, доведенное до крайнихъ предѣловъ, были основными чертами его характера. Обстоятельства, при которыхъ онъ былъ призванъ къ власти, только усилили вкоренившіеся недостатки, къ которымъ еще прибавили необыкновенную подозрительность. Составленное изъ вожаковъ народныхъ партій, регентство ни въ какомъ отношеніи не могло повліять благоприятно на юную душу, на каждомъ шагу обнаруживая силу матеріальной власти. Изъ регентовъ впереди всѣхъ стоялъ докторъ правъ Іованъ Ристичъ, человекъ большого ума и, можетъ быть, хорошій патриотъ, но узко понимаемаго патриотизма, для котораго примѣнялъ всѣ средства безъ разбора. Чтобы имѣть успѣхъ на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ продалъ высшіе сербскіе интересы графу Андраши за чечевичную похлебку, не столько опутанный ловкостью австрійскаго дипломата, сколько не довѣряя нашей дипломатіи и желая закрѣпить личный успѣхъ въ политикѣ княжества. Тѣмъ не менѣе Ристичъ велъ все правительство твердою рукою и безусловно импонировалъ князю. Другой регентъ, генераль Белимарковичъ, человекъ недюжинный, ни выдающійся политикъ, ни опытный военачальникъ, во время войны соединялъ въ своихъ рукахъ активное командованіе двумя корпусами, но ни въ чемъ не успѣлъ проявить своего превосходства. Характеренъ случай, съ нимъ бывшій на Пиротскомъ шоссе. Когда Акъ-Паланка была занята, было необходимо спѣшить къ Пироту; но Белимарковичъ стоялъ на мѣстѣ и впередъ не двигался. Княземъ послано приказаніе немедленно наступать. Передовое расположеніе было соединено съ главною квартирою военнымъ телеграфомъ. Спрашиваютъ по телеграфу, почему стоять. Отвѣтъ: устали войска. Князь повто-

ряеть приказъ о наступленіи. Отвѣта нѣтъ. Сообщаетъ миѣ все самъ князь.

— „Скажите Белимарковичу, что его разстрѣляете, если не исполнить приказанія немедленно“.

Князь даже испугался.

— „Что вы, что вы! Вѣдь это регентъ, вѣдь я въ конституціонной странѣ“...

— „Ну, такъ почему же стоитъ?“

На вопросъ отвѣтъ, что 13 числа не хочетъ боя, уважая народный обычай.

— „Въ такомъ случаѣ прикажите двигаться форсированно, безъ потери времени, а драться можетъ завтра“.

Третьимъ регентомъ былъ генераль Протичъ, потомъ начальникъ полевого штаба, безличный, но кропотливый труженикъ. Да былъ ли онъ регентомъ? говорятъ, что былъ. Сомнительно.

Кто миѣ былъ въ особенности полезенъ, это выдающіеся офицеры, прошедшіе курсъ нашей военной академіи. Во главѣ ихъ былъ генераль Савва Груичъ, въ то время занимавшій постъ военнаго министра, умный, образованный, воспитанный, предупредительный и дѣловой, впоследствии бывший сербскимъ посланникомъ въ Петербургъ и долгое время стоявшій затѣмъ во главѣ сербскаго государственнаго совѣта. Въ самое короткое время они меня познакомили съ истиннымъ положеніемъ страны и ея вооруженными силами на столько, что дали миѣ возможность правильно понимать событія и съ успѣхомъ распоряжаться мѣстными средствами.

Два слова по вопросу о прохожденіи курса нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности военныхъ, уроженцами намъ родственныхъ національностей. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Чѣмъ больше ихъ будетъ и чѣмъ большихъ результатовъ они достигнутъ, тѣмъ лучше. Это путь развитія политическаго вліянія культурой. Основная мысль издавна лежала въ русской государственности и даже спеціально осуществлялась въ славяно-греко-россійской академіи. Не меньшее государственное значеніе имѣетъ посылка нашихъ болѣе способныхъ юношей въ иностранныя учебныя заведенія для ученія и въ техническо-промышленныя учрежденія для приобрѣтенія практическаго навыка. Въ этомъ отношеніи намъ пришлось бы только слѣдовать примѣру и указаніямъ нашихъ великихъ государей. Тутъ и агентура съ критическимъ анализомъ. Но пользоваться этимъ рычагомъ для подъема, въ особенности, политическаго вліянія необходимо съ крайнею осторожностью, чтобы не допустить сорной травы космополитизма и извращенныхъ толкованій для юныхъ головъ.

Общими усилями и со всякимъ трудомъ наконецъ удалось достигъ соглашенія съ княземъ въ распредѣленіи главныхъ силъ на такихъ общихъ основаніяхъ. Изъ пяти корпусовъ, составлявшихъ сербскую армію, на юго-восточной окраинѣ княжества сосредоточить три корпуса,—Шумадійскій, Моравскій и Тимочскій. Послѣдній, однако, условно, съ отдѣленіемъ крупной части на восточную границу, пока обстоятельства не выяснятъ ея полную безопасность. Это ядро арміи, численностью приблизительно въ 50.000 человекъ, предназначалось для операцій къ сторонѣ нашей арміи, по направленію черезъ Пиротъ на Софію. Такъ какъ наступленіе по этому пути преграждалось сильною крѣпостью Ниша, то, чтобы не втягиваться въ крѣпостную войну и, по возможности, скорѣе оказать давленіе на турокъ, формировавшихъ вспомогательныя для Османа - паши средства, указывалось обходное движеніе горами на Бабину-главу и Акъ - Паланку. Дринскій корпусъ въ полномъ составѣ, численностью до 12.000 чел., оставленъ на западной границѣ. Князь боялся наступленія противника со стороны Босніи на Бѣлградъ. Яворскій корпусъ, тоже въ полномъ составѣ, численностью въ 13.000 человекъ, предназначался для остальныхъ операцій на южной границѣ къ сторонѣ Енclave; но онъ оставался въ полномъ бездѣйствіи во все время войны, отчасти благодаря нерѣшительности его командира, полковника Николича, отчасти сдерживаемый главнокомандующимъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе причинъ, мною выше изложенныхъ.

Нужно отдать справедливость прекрасному офицерскому составу арміи, какъ въ отношеніи строевой подготовки, такъ и въ смыслѣ военнаго образованія. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія и должно быть отнесено къ личному почину офицеровъ, что въ мирное время подъ ружьемъ состоятъ только кадры. Въ строю много офицеровъ высшаго военнаго образованія, ими полученнаго въ иностранныхъ военныхъ академіяхъ. Но и бѣлградская военная школа достойна похвалы. При ничтожныхъ средствахъ она успѣла во многомъ, благодаря достоинствамъ и высокимъ талантамъ своего директора, генерала Заха, вложившаго въ дѣло всю свою прекрасную душу. Скромный и непритязательный, но трудолюбивый и талантливый, онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ Сербіи. Его заслуги по школѣ на-лицо, но ему же принадлежитъ и боевое командованіе на Рашкѣ, оставшееся незамѣченнымъ, однако обращающее на себя вниманіе во многихъ отношеніяхъ.

Говоря о несомнѣнныхъ достоинствахъ сербскихъ офицеровъ, слѣдуетъ сказать и о крупномъ ихъ недостаткѣ чрезмѣрнаго сомнѣнія. Послѣднее не въ народномъ характерѣ и занесено въ кня-

жество вмѣстѣ съ плодами иностранной культурной работы. Вотъ почему нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ оно упадетъ, но пока служить громаднымъ тормозомъ въ развитіи природныхъ талантовъ и лишаетъ страну выдающихся гениевъ. Они пропадаютъ, не до-развившись, столько же отъ нравственной неустойчивости, сколько и отъ неустановившагося общественнаго порядка вещей.

Живымъ примѣромъ сказанному можетъ служить подполковникъ Ефремъ Марковичъ. Несомнѣнно отмѣченный большими дарованіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительный до болѣзненности, онъ былъ отправленъ въ Берлинъ для усовершенствованія въ военныхъ знаніяхъ. Это было въ 1863 году, въ эпоху развитія на Литвѣ повстанческихъ бандъ. Возбужденный до крайности, враждебными для насъ, газетными преувеличеніями, онъ безъ разрѣшенія бѣжитъ на нашу границу, съ тѣмъ ли, чтобы присоединиться къ повстанцамъ, или только своими глазами увидѣть зло, но на дѣлѣ убѣждается съ негодованіемъ въ массѣ лжи и коварствѣ, и тѣмъ же порядкомъ возвращается въ Берлинъ. Когда онъ возвратился въ Бѣлградъ по окончаніи учебнаго курса, на юную душу, не установившуюся и встревоженную всякими ученіями и сомнѣніями, беспощадно нападаютъ мѣстные политиканы, онъ еще не успѣлъ разобраться въ событіяхъ, а уже попалъ въ водоворотъ событий. Къ великому горю всѣхъ въ князѣ Миланѣ онъ встрѣтилъ не любвеобильнаго государя, полагающаго за народъ свою душу, а мстительнаго, безчеловѣчнаго тирана, ни во что не ставящаго государственную заслугу и не прощающаго даже неосторожно сказаннаго слова. Между тѣмъ заслуга Ефрема Марковича была дѣйствительно велика. Онъ ринулся впереди своей бригады въ студеные воды р. Нишавы, уже въ ледоходъ, когда обходная сербская колонна загнулась отъ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ турокъ. Отважный примѣръ его увлекъ за собою всѣхъ, турки были опрокинуты, а Акъ-Паланка и нѣсколько орудій достались въ руки побѣдителя. Минута колебанія, и дѣло не только было бы потеряно, но легко могло случиться, что и вся сербская кампанія обратилась бы въ ничто. Въ другой разъ, въ пресловутое тринадцатое число, когда генераль Белимарковичъ затруднялся наступать, боясь втянуться въ бой, но былъ все-таки вынужденъ дойти до дороги обходной колонны, тотъ же подполковникъ Марковичъ вмѣсто отдыха карабкается съ двумя батальонами на гору, упреждая на ней занятіе турками, уже наступавшими со стороны Пирота съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Даровитый отъ природы, образованный, энергичный и обладая быстрымъ и вѣрнымъ глазомѣромъ, Ефремъ Марковичъ имѣлъ всѣ качества, чтобы сдѣлаться полководцемъ. Кто знаетъ, въ какую бы

сторону повернулась судьба княжества, если бы этот самородокъ преждевременно не погибъ жертвою злого рока. Въ сербскихъ войскахъ былъ не одинъ Марковичъ, но они прошли незамѣченными въ органическомъ государственномъ неурействѣ. Во всѣ времена сербская исторія изобиловала народными героями. Только имъ и обязана Черная гора своимъ чудеснымъ существованіемъ.

На 4 декабря былъ назначенъ отъѣздъ князя-главнокомандующаго къ дѣйствующей арміи въ Алексинацъ, а я еще совсѣмъ не былъ готовъ. Перемежающаяся лихорадка изводила меня въ конецъ, а заняться лѣченіемъ было недосугъ, несмотря на ежедневныя напоминанія Персіани. Въ одно прекрасное утро онъ мнѣ заявляетъ, что созываетъ консилиумъ врачей, чтобы выяснить мое положеніе и положить конецъ болѣзни. Милый Александръ Ивановичъ, онъ о всемъ заботится. Оказывается, что предоставляетъ въ мое распоряженіе, временно пребывающаго въ Бѣлградѣ, секретаря консульства въ Сараево, Н. А. Налетова. Дѣло быстро пошло на ладъ. Консилиумъ опредѣлилъ, что состояніе моего здоровья не внушаетъ опасеній, а, чтобы избавиться отъ пароксизмовъ, предписалъ принять 40 гранъ хинина въ два дня и продолжать приемы по 5 гр. ежедневно. Что же касается до моего личного штаба, то я въ самое короткое время былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, великолѣпнымъ фургономъ въ пару лошадей и походными вещами, а въ лицѣ Николая Александровича Налетова я приобрѣлъ неоцѣненнаго помощника и друга.

Отъѣздъ состоялся на разсвѣтѣ 4-го декабря. Безцвѣтность проводовъ князя, въ особенности присутствіе на нихъ митрополита Михаила не пастыремъ церкви, по православному обычаю осѣняющаго крестомъ и иконою воиновъ на брань, а лицомъ высшей администраціи, наравнѣ съ другими гражданскими лицами, произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Сѣрая мгла предразсвѣтнаго утра вполне гармонировала съ оффиціальной натянутостью, царствовавшей въ княжескомъ конакѣ въ минуту отъѣзда верховнаго вождя сербской вооруженной силы. Князь указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ нимъ, княгиня просила беречь мужа. Лошади тронули, я по привычкѣ снялъ фуражку и перекрестился, князь Миланъ закурилъ папирску. Позднѣе я узналъ, что и въ Сербіи церковь благословляетъ, какъ и у насъ; но что князь избѣгаетъ обрядности, находя ихъ пустою формальностью.

На дорогѣ мы ночевали, на слѣдующій день прибыли въ Алексинацъ.

Обходя въ день пріѣзда расположеніе Смедеревской бригады по землянкамъ у Алексинаца, я убѣдился въ неудовлетворительномъ

состояніи обмундированія людей. Кромѣ холщевой рубахи и суконнаго плаща у большей части людей другой верхней одежды не было. Было 6° мороза безъ вѣтра; что же будетъ съ этими людьми, не привыкшими къ суровой погодѣ, когда на открытомъ бивакѣ ихъ застанетъ сильный морозъ, съ рѣзкимъ вѣтромъ! Черезъ два дня мое недоразумѣніе разрѣшилось вполнѣ.

Хотя блузы, брюки, плащи и шапки полагались отъ казны всѣмъ людямъ какъ постоянныхъ войскъ, такъ и призываемымъ на учебные сборы, но княжеское правительство по этимъ статьямъ расхода обыкновенно дѣлало значительныя сбереженія. Пользуясь тѣмъ, что на службу поселяне являлись въ толстыхъ шерстяныхъ на полотняной подкладкѣ курткахъ, блузы и брюки имъ не выдавались никогда—ни въ мирное, ни въ военное время. Плащами войска были снабжены лучше, благодаря покупкѣ значительной ихъ партіи въ Австріи, во время добровольческой войны, на средства, присланныя изъ славянскихъ комитетовъ.

Въ ночь на 8 декабря, когда княземъ былъ назначенъ выѣздъ на боевыя позиціи Моравской дивизіи, морозъ достигъ 10° при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Выѣхали мы раннимъ утромъ въ обыкновенномъ порядкѣ. Впереди князь со мною, во второй коляскѣ начальникъ штаба генералъ Коста Протичъ съ начальникомъ оперативнаго отдѣла подполковникомъ Анжелковичемъ, сзади дежурный адъютантъ князя съ начальникомъ санитарной части Владаномъ Георгіевымъ. Горные скаты застилались снѣжною пылью, срываемою вѣтромъ съ вершинъ. На дорогахъ была невозможная гололедица. Лошади поминутно скользили и временами останавливались, чтобы выдержать напоръ встречнаго порыва вѣтра. Экипажъ бросало то въ одну сторону, то въ другую, то немилосердно подбрасывало на замерзшихъ колеяхъ. Съ большимъ трудомъ, иззябшими и голодными, мы наконецъ добрались до пограничнаго Катунскаго поста, въ которомъ съ удовольствіемъ укрылись отъ свирѣпствовавшей вьюги и наскоро подкрѣпились холодной закускою.

Во всю дорогу я присматривался къ одиночнымъ людямъ, съ полнымъ снаряженіемъ шедшимъ по сторонамъ дороги то вереницей, то небольшими группами, съ позицій во внутрь страны. По ихъ открытымъ лицамъ и бойкой походкѣ было видно, что люди чувствовали себя въ своемъ правѣ. Я припомнилъ рассказы о примитивномъ способѣ возобновленія продовольствія средствами родного дома.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія князя. Онъ обратился ко мнѣ вскользь со словами.

— „Неизвинительное упущеніе въ санитарной части, допускающее слабыхъ и больныхъ идти пѣшкомъ. Безпорядокъ уже потому не простителенъ, что можетъ послужить первымъ шагомъ къ дезертирству“.

— „Невозможно считать этихъ людей за дезертировъ“, отвѣчаю я.— „Уже потому, какъ они смѣло намъ смотрятъ въ глаза, несомнѣнно, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы они дѣлали что-либо позорное, несомнѣстимое съ долгомъ службы“...

Но князь не слушалъ меня и тутъ же распекъ Владана Георгіева. Мнѣ стало досадно. Очевидно, князь желалъ втереть мнѣ очки.

„Этотъ обычай, въ трудную минуту имѣть базу въ родномъ домѣ, меня не только не печалитъ, но радуетъ, такъ какъ въ немъ я вижу благополучный исходъ изъ возможнаго критическаго положенія. Что могло бы съ ними случиться, если бы они въ плащахъ, подбитыхъ вѣтромъ, оставались голодными на своихъ бивакахъ, гдѣ костеръ, разведенный изъ сухой лозы, не согрѣваетъ, а обжигаетъ“.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

